

Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of governance

DOI: 10.24412/2070-1381-2022-95-108-123

Взаимодействие России с ключевыми геополитическими оппонентами
в условиях гибридной войны: комплексный стратегический подход

Харитоновна Наталья Ивановна

Доктор политических наук, доцент, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: natahari@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [6491-4442](#)

ORCID ID: [0000-0002-7980-6562](#)

Максимов Алексей Сергеевич

Соискатель, факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, РФ.

E-mail: maximov-as@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [9016-6444](#)

Аннотация

Настоящая статья посвящена проблемам взаимодействия России и стран Запада в условиях гибридной войны. Актуальность рассматриваемых в статье вопросов определяется крайним охлаждением отношений России со странами Европы и США на фоне специальной военной операции на Украине, в то время как сам вооруженный конфликт на Украине является одной из составляющих гибридной войны, ведущейся коллективным Западом против России. В интересах обеспечения национальной безопасности России и международной безопасности требуется выработка новой методологии взаимодействия держав — мировых и региональных лидеров. Целью статьи является разработка комплексного стратегического подхода к взаимодействию России и стран Запада, выступающих в настоящий момент в роли геополитических оппонентов России, на основе векторного подхода. Наряду с последним в качестве методологической базы использованы положения теории геополитики, теории национальной безопасности, реалистической теории международных отношений. В результате исследования предложен новый комплексный стратегический подход, базирующийся на инверсивной векторной модели (в рамках векторного подхода) и позволяющий решить ключевые внешнеполитические задачи России, а также даны практические рекомендации, направленные на формирование таких характеристик внешней политики РФ, как проактивность, нацеленность на активное изменение геополитической реальности в пользу интересов национальной и международной безопасности, активизацию проектной и контрибридной деятельности. Изменив модель внешнеполитического поведения и парадигму отношений с Западом, Россия сможет реализовать возможности превентивной и перспективной политики по формированию лояльной внешнеполитической среды. Позитивным следствием применения подхода может стать расширение ближнего сегмента зоны геополитических интересов России (прежде всего речь идет о постсоветском пространстве), решение ключевых проблем во внутренней политике, выход из частичной международной изоляции, ослабление угрозы прямого столкновения с блоком НАТО в формате прокси-войны.

Ключевые слова

Россия, Запад, внешняя политика, гибридная война, инверсивная векторная модель, комплексный стратегический подход.

**Russia's Interaction with Key Geopolitical Opponents in Hybrid War:
An Integrated Strategic Approach**

Natalya I. Kharitonova

DSc (Political Sciences), Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: natahari@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0002-7980-6562](#)

Alexey S. Maksimov

PhD applicant, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

E-mail: maximov-as@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the problems of interaction between Russia and Western countries in the context of a hybrid war. The relevance of the issues discussed in the article is determined by the extreme cooling of Russia's relations with European countries and the United States against the backdrop of a special military operation in Ukraine, while the armed conflict in Ukraine itself is one of the components of the hybrid war waged by the collective West against Russia. In the interests of ensuring the national security of Russia and international security, it is necessary to develop a new methodology for the interaction of powers — world and regional leaders. The aim of the article is to develop a comprehensive strategic approach to the interaction between Russia and Western countries, which are currently acting as Russia's geopolitical opponents, based on a vector approach. Along with the latter, the provisions of the theory of geopolitics, the theory of national security, and the realistic theory of

international relations were used as a methodological base. As a result of the study, a new comprehensive strategic approach based on an inverse vector model (within the framework of the vector approach) which allows solving the key foreign policy tasks of Russia are proposed, as well as practical recommendations are given aimed at shaping such characteristics of the foreign policy of the Russian Federation as proactivity, focus on active change geopolitical reality in favor of the interests of national and international security, the intensification of project and counter-hybrid activities. The authors state that by changing the model of foreign policy behavior and the paradigm of relations with the West, Russia will be able to realize the possibilities of preventive and long-term policy to form a loyal foreign policy environment. A positive consequence of applying the approach may be the expansion of the near segment of the zone of Russia's geopolitical interests (primarily the post-Soviet space), the solution of key problems in domestic politics, the exit from partial international isolation, and the mitigation of the threat of a direct collision with the NATO bloc in the format of a proxy war.

Keywords

Russia, West, foreign policy, hybrid war, inverse vector model, integrated strategic approach.

Введение

Статья посвящена проблемам взаимодействия России и стран Запада в условиях гибридной войны. Своевременность рассматриваемых в статье вопросов определяется крайним охлаждением отношений России со странами Европы и США на фоне специальной военной операции на Украине, в то время как сам вооруженный конфликт на Украине является одной из составляющих гибридной войны, ведущейся коллективным Западом против России.

Таким образом, актуальность темы статьи определяется остротой кризиса в отношениях между коллективным Западом (евроатлантическим сообществом), провоцирующим активизацию гибридной войны и ужесточение ее инструментов, и Россией, стремящейся заручиться поддержкой государств, имеющих явную антиатлантическую направленность внешней политики (прежде всего речь идет о Китае). Кризис показал, что Россия не справляется с рядом угроз, имеющих гибридный характер, что негативно сказывается на состоянии национальной безопасности и перспективах развития российской государственности в условиях враждебной геополитической среды. Актуализируется необходимость поиска и разработки эффективных подходов (моделей), работающих на новых комбинациях принципов, механизмов и мер, способных не только эффективно противостоять гибридным угрозам, но и содействовать реализации проактивной внешней политики и политики обеспечения национальной безопасности России.

Можно с уверенностью констатировать, что в интересах обеспечения национальной безопасности России и международной безопасности требуется выработка новой методологии взаимодействия держав — мировых и региональных лидеров. Целью статьи является разработка комплексного стратегического подхода к взаимодействию России и стран Запада, выступающих в настоящий момент в роли геополитических оппонентов России. В ходе исследования были решены следующие задачи: определены специфические черты текущей гибридной войны коллективного Запада против России; описаны алгоритм и этапы реализации политики обеспечения национальной безопасности на основе предложенной авторами инверсивной векторной модели; разработан и предложен комплексный стратегический подход к взаимодействию с ключевыми геополитическими оппонентами на основе инверсивной векторной модели.

В качестве методологической базы исследования были использованы положения теории геополитики, теории национальной безопасности, теории международных отношений, векторный подход. Результаты исследования были апробированы методами экспертных оценок и сценарного анализа.

Подготовке настоящей работы предшествовали исследования авторов, на результаты которых во многом опирается представленная вниманию читателей статья.

Специфика текущей гибридной войны Запада против России

В контексте тектонических сдвигов и трансформаций, произошедших в мире за последние десятилетия, многие проблемы защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности предстают в новом свете. Если на протяжении предшествующих периодов истории человечества главным инструментом для решения указанных проблем считалась вооруженная мощь, то в нынешних условиях, наряду с военной силой, все большее значение приобретают иные формы, методы и средства. Так, один из современных социологов войны М. ван Кревельд утверждает, что войны старого типа уходят в прошлое, а войны нового типа становятся доминирующими¹, последние требуют новых сил и средств, выработки адаптивных стратегий и тактик. Появление большого количества конфликтов, которым приписывается гибридная природа, привлекает внимание исследователей, констатирующих, что гибридные войны стали наиболее распространенной формой конфликта XXI века [Kilcullen 2009], сочетающей «сложность и потенциальную связность различных угроз» [Арзуманян 2015, 32]. Политические исследования акцентируют внимание на том, что именно гибридная война и гибридные угрозы «в существенной степени определяют многие современные тенденции в развитии мира и войны»².

Примечательно, что США намеренно отдают России пальму первенства в применении концепции гибридной войны. Об этом неоднократно заявляли представители западных политических ведомств и СМИ³. Такая позиция США понятна: теория гибридной войны разрабатывается ими уже давно и внедряется в практику подрывных действий по всему миру. Поэтому обвинения в использовании гибридного воздействия на США в адрес России играют роль ширмы в усилении противостояния в медиасреде и политическом давлении на Россию для создания негативного имиджа Москвы и ее внешней политики на мировой арене. Этот вид активности также можно отнести к технологиям «мягкой силы», активно применяемым в ходе ведения гибридной войны. Динамичный и трудно прогнозируемый характер гибридных угроз служит ускорителем процессов адаптации разведывательных служб к реалиям пока еще мало изученных гибридных войн, гибридных угроз и «цветных революций». Можно сказать, что технологии ведения таких войн все больше становятся стратегическим оружием неядерного сдерживания, активно применяемым США и НАТО против России.

Так, с внедрением в политический и научный оборот понятий «гибридная война» и «гибридная угроза» в методах ведения гибридного противоборства поменялись формы получения и передачи информации. Государством-агрессором и его союзниками создаются новые подразделения обобщенных разведывательных центров и управления по ведению и планированию гибридных войн, таких как Emerging Security Challenges Division (ESCD) и Joint Intelligence and Security Division (JISD). К специфике гибридного противоборства можно отнести концепцию создания коммерческих структур, работающих как в военном секторе, так и в области разведывательной деятельности по заказу Государственного департамента США и разведывательного центра союзников Североатлантического альянса. Здесь важно отметить, что и специфика разведывательной деятельности в рамках гибридного противоборства также меняется.

¹ Кревельд М. Мы вступили в эпоху войн нового типа: интервью // Московская школа конфликтологии [Электронный ресурс]. URL: <https://conflictmanagement.ru/12094-2/> (дата обращения: 21.07.2022).

² Гибридная война превратилась в новый вид межгосударственного противостояния // РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-prevratilas-v-novyy-vid-mezhgosudarstvennogo-protivostoyaniya/> (дата обращения: 21.07.2022).

³ Putin Is Winning Russia's Hybrid War against America // National Review РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nationalreview.com/2020/12/putin-is-winning-russias-hybrid-war-against-america/> (дата обращения: 07.07.2022); «Русская гибридная война» // Путин сегодня РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/110194> (дата обращения: 07.07.2022); Как Россия побеждает в гибридной войне против США // Око планеты РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://oko-planet.su/politik/politikmir/632146-kak-rossiya-pobezhdaet-v-gibridnoy-voynе-protiv-ssha.html> (дата обращения: 07.07.2022).

Ключевым направлением противодействия гибридному воздействию на состояние национальной безопасности государства является ликвидация внешних угроз. Это невозможно без стабилизации положения внутри страны. Устойчивость власти, стабильность общественно-политической обстановки могут рассматриваться в качестве ключевого фактора в успешном противостоянии гибридным угрозам.

Гибридный характер угроз национальной безопасности России определяет ряд системных требований к дальнейшему развитию механизма выработки управленческих решений. В современных условиях механизм должен быть более рациональным, нежели жесткое идеологическое противостояние периода холодной войны. В идеале целесообразность выработки тех или иных управленческих решений определяется рациональными расчетом и политическими интересами России.

При разработке стратегии взаимодействия с коллективным Западом в условиях текущей гибридной войны важно учитывать специфику американской активности на мирополитической арене. США в целом демонстрируют достаточно логоритмичную модель военно-политического поведения. Это, в частности, выражается в том, что, если новая стратегия продемонстрировала свою эффективность единожды, она будет применяться впоследствии для решения схожих задач. Такой подход позволяет экономить ресурсы и время. Это в настоящий момент отчетливо можно проследить на новом тренде, в рамках которого США размещают в ключевых регионах своих интересов посольские учреждения нового поколения (военно-разведывательные центры в едином комплексе с дипломатическими миссиями). Ровно такой же логикой руководствуется Вашингтон и в гибридном противостоянии с Россией, стремясь реализовать стратегию втягивания Москвы в гонку вооружений (война «на истощение», отражение явления «износа» [Бартош 2018]). Так как именно такая стратегия в свое время позволила США выиграть холодную войну с СССР.

Последние десятилетия прокси-войны, инициированные США для решения тактических задач в ходе гибридного противостояния с Российской Федерацией, направлены на перенапряжение экономики (о чем прямо указывается в одном из докладов RAND Corporation⁴), разложение национальных элит, размывание традиционных ценностей российского общества и подмену российской суверенной повестки искусственно созданной деструктивной повесткой. Одновременно США реализовывали стратегию международной изоляции России и формирования на ее границах пояса нестабильности. В связи с этим стоит упомянуть доктрину Вульфовица (1992 г., П. Вульфовиц — бывший заместитель министра обороны США, неоконсерватор), констатирующую необходимость сохранения за США статуса единственной сверхдержавы и предотвращения появления противника США на постсоветском пространстве и в любых других частях света («враждебных региональных держав»). Ключевые идеи доктрины, закрепляющей однополярность и политику превентивных действий, были завуалированы тезисами о коллективной безопасности. В этом же ряду стоят и разработки американского политолога З. Бжезинского, очертившего Евразийскую дугу нестабильности [Brzezinski 1997], считавшего США мировым гегемоном и отрицавшего возможность обретения подобной роли другими государствами до 2018–2033 годов⁵. В настоящий момент разработки американских консерваторов, отчасти признавших, что США не располагают ресурсом для подлинного доминирования в мире и организации эффективного контроля в глобальном масштабе, постепенно трансформируют свою политику. Сегодня она в большей степени проявляется в инспирировании хаоса инструментариумом

⁴ Extending Russia. Competing from Advantageous Ground // RAND Corporation РСМД [Электронный ресурс]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 18.07.2022).

⁵ Збигнев Бжезинский: Россия рискует превратиться в пустое пространство // Комсомольская правда РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/24190.4/397290/> (дата обращения: 04.07.2022).

гибридных войн и выкачивании ресурсов с территорий ослабленных политических режимов. Последнее, очевидно, представляется адаптированной формой геополитического контроля над противником. В 2021 году США в качестве нового инструмента гибридной войны против Китая и России взяли на вооружение проблему изменения климата: Вашингтон в условиях жесточайшего внутривнутриполитического кризиса тем не менее ищет инструменты, которые позволят США продолжить борьбу за мировое превосходство [Харитоновна 2021, 185].

Таким образом, гибридная война сегодня — это часть стратегии глобализации: она носит цивилизационный характер (как разновидность гибридной войны). Цель такого типа противодействия — раздробить и ослабить геополитического противника с тем, чтобы проще было контролировать и страну (элиты и общество), и ее природные ресурсы. Эта задача упрощается применением «мягкой силы», концепция которой была предложена еще во второй половине 1980-х годов американским политологом Дж. Наем [Нье 2004]. Ее умелое применение дает необходимый инициатору гибридной войны эффект: противник начинает разрушать себя сам, помогая агрессору.

Однако следует упомянуть, что сегодня многие первоочередные задачи внешней политики Российской Федерации, определяемые Президентом РФ, стали реализовываться через негосударственных акторов международных отношений — «акторов вне суверенитета», которые являются не только исполнителями, но и реальными участниками процесса принятия стратегических решений в России. Это ведет к определенным изменениям в модели выработки управленческих решений: с одной стороны, решения вырабатываются с учетом возможностей и ресурсов пропрезидентских неправительственных организаций, с другой — в тесном контакте с ними со стороны государственных субъектов. Такой подход, как представляется, в полной мере отражает специфику технологий гибридной войны, ведущейся против России, — расширяется и спектр субъектов, и спектр политико-технологических решений, направленных на отражение гибридных угроз. Учет этой специфики позволит существенно продвинуться в выработке контргибридных технологий с использованием, помимо прочего, механизмов и стратегий, основанных на векторном подходе.

Инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности России: алгоритм и этапы реализации

В ходе разработки механизмов нейтрализации гибридных угроз национальной безопасности России в рамках векторного подхода авторами была предложена инверсивная векторная модель нейтрализации угроз, концентрирующихся в ключевых сферах (направлениях, векторах) — духовной и социокультурной, военно-политической, экономической, информационной, международно-политической (пяти «триадах гибридных угроз», характеристике которых была посвящена отдельная публикация [Максимов 2021a]). Предложенные в другой статье пятикомпонентные механизмы нейтрализации, базирующиеся на принципе инверсии вектора, предусматривают концентрацию сил и ресурсов на нейтрализации ключевой угрозы в «триаде» (U_1), которая, в свою очередь, влечет ослабление двух других угроз в каждой «триаде» (U_2 , U_3) (первый этап) с перспективой полной ликвидации самой «триады» (второй этап) [Максимов 2021b]. Единый функциональный принцип инверсии вектора заключается в концентрации усилий на одной приоритетной угрозе в рамках «триады гибридных угроз» (путем операций сравнения, сложения и умножения векторов) с целью ослабления или ликвидации этого элемента «триады» в условиях ограниченных ресурсов.

Соответственно, процесс инверсии в рамках одной «триады гибридных угроз» (первый этап) может быть реализован и на уровне всех пяти «триад» (второй этап). Важно иметь в виду, что синхронное воздействие пяти «триад угроз» на систему национальной безопасности, оказывающих друг на друга поддерживающее и мультиплицирующее действие, также может быть представлено в виде векторов. Нейтрализация одной из «триад» будет оказывать на другие четыре «триады» не поддерживающее, как ранее, действие, а ослабляющее. Таким образом, процесс инверсии в предложенной инверсивной векторной модели функционален и на уровне пяти «триад гибридных угроз». Соответственно, и на этом уровне может продемонстрировать свою функциональность тот же единый принцип, скорректированный в сторону увеличения числа приоритетных целей, с учетом их малого конечного количества (всего пять «триад», в рамках которых определена и верифицирована приоритетная угроза, а не все пятнадцать гибридных угроз, составляющих эти «триады»). А именно: концентрация усилий на пяти приоритетных угрозах в рамках «триад гибридных угроз» с целью ослабления/ликвидации всех пяти «триад» в условиях ограниченных ресурсов. Речь идет о следующих приоритетных угрозах: действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада (из «триады» T1); повышение роли негосударственных игроков (из «триады» T2); экономический контроль российской элиты, части общества и государственных структур со стороны Запада (из «триады» T3); распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ (из «триады» T4); эрозия международного права (из «триады» T5).

Таким образом, системе обеспечения национальной безопасности необходимо сконцентрировать усилия на скорейшей синхронной нейтрализации/ликвидации указанных пяти приоритетных угроз. Для чего авторами предлагается использовать инверсивную векторную модель (в рамках векторного подхода) с целью экономии ресурсов, включая временной ресурс. Их успешная нейтрализация/ликвидация в соответствии со свойством инверсии позволит в перспективе ликвидировать все пятнадцать гибридных угроз, представленных пятью «триадами» (Рисунок 1).

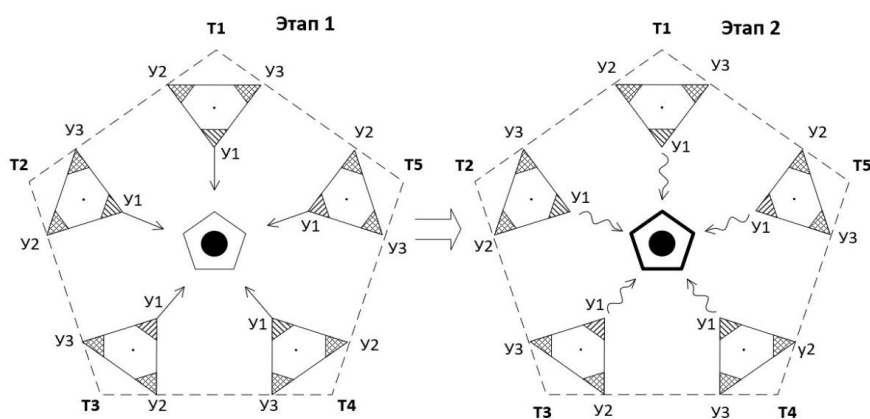

Рисунок 1. Два этапа реализации инверсивной векторной модели нейтрализации гибридных угроз национальной безопасности⁶

⁶ Разработано авторами.

Представленная конструкция на основе реализации инверсивной векторной модели является идеальной и может быть реализована при условии статичности условий — факторов, воздействующих на систему обеспечения национальной безопасности. Поэтому с учетом реализации американской стратегии «перенапряжения России» и с нарастанием международной напряженности и гибридного давления на РФ указанный выше функциональный принцип, лежащий в основе инверсивной векторной модели и механизмов нейтрализации/ликвидации гибридных угроз, может быть скорректирован для реализации второго этапа: концентрация усилий на меньшем (менее пяти) количестве приоритетных «триад гибридных угроз» с целью ослабления/нейтрализации/ликвидации всех пяти «триад» в условиях ограниченных ресурсов и разновекторного влияния внешних и внутренних факторов. Такой подход может позитивно сказаться на эффективности модели противодействия гибридным угрозам.

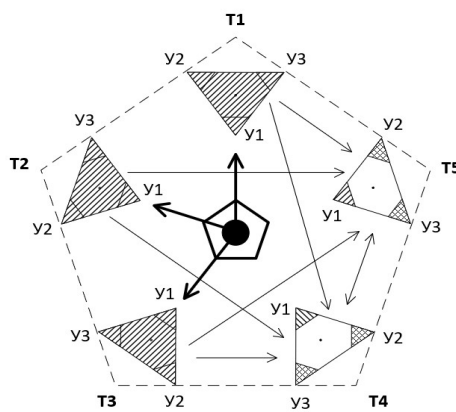
Как определить это «меньшее количество» в наборе из пяти «триад гибридных угроз»? Здесь речь должна идти не только о количестве «триад», но и составе (сферах, направлениях), где они группируются, то есть их «качестве». Относительно последнего видится целесообразным ориентироваться на приоритетность «триад» по шкале их «угрозоемкости», а также критерию наличия тенденции к резкой интенсификации, разработанному и верифицированному авторами ранее. Что касается количества, то оно, с одной стороны должно быть «критическим» в плане прогресса в процессе ослабления/нейтрализации/ликвидации всех пяти «триад», а с другой стороны, учитывать ограниченность ресурса, который можно затратить на этот процесс, и плохо прогнозируемое воздействие разновекторных внутренних и внешних факторов.

Для определения «критического» количества «триад» (соответствующего количеству приоритетных гибридных угроз) для первоочередного воздействия на них в рамках второго этапа предлагается использовать адаптированное «правило Бисмарка». В классическом виде «правило Бисмарка» (основа политики баланса сил в международных отношениях, «правило» было высказано им русскому послу Сабурову) выглядит следующим образом: «Вся политика может быть сведена к формуле — постарайся быть среди троих в мире, где правит хрупкий баланс пяти великих держав. Это единственная подлинная защита против формирования враждебных коалиций» [Уткин 2003, 471]. В этом «правиле» представляет интерес именно то, как «железный канцлер» Отто фон Бисмарк определил «критическую» сумму сил, позволяющую сохранять баланс, который способен обеспечивать реализацию интересов его страны, находясь «внутри» этой системы, как «три» из «пяти». Речь здесь, безусловно, идет и о рациональном расходе ресурса на сохранение текущего выгодного баланса сил.

«Правило Бисмарка» выглядит как вполне универсальная модель, не только с точки зрения теории баланса сил в международных отношениях, но и с точки зрения определения критического набора ключевых силовых полей в сложных системах для успешной реализации национальных стратегий. В силу этого есть основания полагать, что такой подход пригоден и для определения «критического» количества «триад гибридных угроз» национальной безопасности для синхронного и комплексного воздействия с целью запуска инверсивного механизма, направленного на ослабление/нейтрализацию/ ликвидацию всех пяти «триад».

Применение адаптированного «правила Бисмарка» к решению задачи определения «критического» количества «триад» для первоочередного и синхронного воздействия на них позволило определить в качестве «критического» количества три «триады» из пяти. «Качественный» состав этих трех «триад» определяется шкалой «угрозоемкости» «триад»: первые три «триады» по шкале (в соответствии с критериями приоритетности угроз и наличия тенденции к резкой интенсификации) — в духовной и социокультурной (Т1), военно-политической (Т2)

и экономической (Т3) сферах. То есть речь идет о сосредоточении усилий на ликвидации следующих трех приоритетных гибридных угроз (ключевых в этих трех «триадах»): действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада (из «триады» Т1); повышение роли негосударственных игроков (из «триады» Т2); экономический контроль российской элиты, части общества и государственных структур со стороны Запада (из «триады» Т3). В соответствии с предложенной в исследовании инверсивной векторной моделью, успешная нейтрализация указанных трех «триад» позволит ослабить две оставшиеся «триады» (в информационной (Т4) и международно-политической (Т5) сферах) и ликвидировать соответствующие две приоритетные угрозы из состава указанных двух «триад»: распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ (из «триады» Т4); эрозия международного права (из «триады» Т5), и, таким образом, в перспективе выйти на полную нейтрализацию/ликвидацию гибридных угроз национальной безопасности России (Рисунок 2).

Рисунок 2. Применение адаптированного «правила Бисмарка» к реализации инверсивной векторной модели ликвидации угроз национальной безопасности⁷

Таким образом, инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности можно представить в виде алгоритма, реализующегося во времени. На первом этапе путем реализации пятикомпонентных механизмов происходит нейтрализация приоритетных угроз из состава «триады» с последующим ослаблением двух других угроз в каждой из пяти «триад» (первый этап — ликвидация не более чем пяти угроз одновременно) с перспективой полной ликвидации самих пяти «триад» на втором этапе. Однако в условиях ограниченных ресурсов, в том числе временных, разнонаправленного действия внутренних и внешних факторов целесообразно сосредоточиться на ослаблении/нейтрализации/ликвидации трех «триад» (в духовной и социокультурной (Т1), военно-политической (Т2) и экономической (Т3) сферах), то есть трех приоритетных угроз в рамках этих трех «триад», что в перспективе позволит сделать ликвидацию всех «триад гибридных угроз» необратимым процессом без перенапряжения системы обеспечения национальной безопасности и ее ресурсной базы.

Инверсивная векторная модель позволяет достичь стратегической цели — успешной ликвидации гибридных угроз национальной безопасности с учетом ограниченной ресурсной базы и времени, поэтому она может быть определена в качестве стратегической модели обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны.

⁷ Разработано авторами.

Совершенно очевидно, что реализация такого типа стратегии потребует повышения значения прогностических практик, в особенности в части потенциальных театров военных действий, задействованных сил и средств, инструментария силового и несилового реагирования. Для этих целей может быть использована методика картографирования конфликтов. Не меньшее значение имеет научное и экспертное сопровождение активных мероприятий в зонах российских интересов и специальных операций. Формирование и отлаживание такого взаимодействия между государственными структурами и экспертами на текущем этапе гибридного противостояния видится одной из ключевых задач.

Комплексный стратегический подход к взаимодействию с ключевыми геополитическими оппонентами на основе инверсивной векторной модели

В экспертной среде существует мнение, что гибридную войну провоцирует не сила нападающего, а слабость объекта нападения. Чтобы свести к минимуму вероятность гибридной войны необходимо решать проблему уязвимостей во всех сферах и на всех уровнях жизни общества, то есть нужно работать на опережение и не допускать появления угроз [Коданева 2020, 61]. По мнению авторов, с этим мнением можно согласиться лишь частично. Так, Китай не является слабым государством, но и против него ведется гибридная война. Здесь необходимо уточнение: потенциальный агрессор с большим успехом ведет гибридную войну против тех государств, которые обеспечивают национальную безопасность традиционными методами, характерными для эпохи модерна.

Поэтому, рассуждая об эффективной модели противодействия гибридным угрозам, в первую очередь нужно говорить о переходе к концепции комплексной безопасности, сочетающей военные и технические приемы и средства, а также комплекс мер предупреждения всех существующих гибридных угроз, постоянный мониторинг, аналитическое сопровождение и превентивное выявление потенциальных угроз. Как указывают специалисты, контргибридные меры — это обеспечение комплексной безопасности государства, базирующейся не на противодействии существующим угрозам, а на определении и устранении собственных уязвимостей в тех сферах, где противники страны реализуют различные инструменты и способы ведения гибридной войны [Там же, 62–63].

Комплексное воздействие на гибридные угрозы, определенные в качестве приоритетных в «триадах» в духовной и социокультурной (Т1), военно-политической (Т2) и экономической (Т3) сферах, может включать, наряду с уже используемыми механизмами нейтрализации, следующие активные мероприятия и нововведения достаточно универсального характера, призванные переформатировать характер взаимодействия России с Западом в условиях текущего гибридного противоборства.

Во-первых, необходимо существенно скорректировать подход к формулированию отдельных положений Военной доктрины Российской Федерации. В частности, в документ целесообразно включить все известные гибридные механизмы воздействия на военно-политическую безопасность РФ, в частности инструменты «мягкой силы». Необходимо также уточнение структуры вооруженных сил РФ, способов их применения, а также корректировки руководящих документов. С учетом особенностей перехода гибридного противоборства в силовую фазу необходимы «уточнения в части повышения готовности вооруженных сил к действиям в мирное время, без объявления войны, по расширению автономности воинских частей и повышению самостоятельности их командиров в принятии решений» [Тиханычев 2020, 39].

Во-вторых, необходима корректировка информационной политики, что должно найти отражение в Доктрине информационной безопасности РФ. Дело в том, что направляющую (тренды, повестку) в информационно-коммуникативном пространстве задает Запад, а Россия действует в соответствии с запрограммированными этой направляющей параметрами. Реактивный и оборонный характер российской информационной политики вкупе с отсутствием собственного идейного начала — легитимизационной составляющей внутренней и внешней политики — приводит российский вектор воздействия к встречному столкновению с западным вектором. Поэтому необходимо реализовать новые векторы воздействия параллельно либо в обход заданной Западом направляющей, что должно повысить эффективность российской информационной политики.

В-третьих, необходима концептуализация категории «пространство безопасности» с тем, чтобы сделать эту концепцию ключевым инструментом актуальной российской геополитики.

В-четвертых, выведение на новый уровень стратегических, партнерских и союзнических отношений с иностранными государствами в рамках интеграционных структур (таких как Союзное государство, СНГ, ШОС, ЕАЭС, АТЭС, БРИКС), увеличение числа стран-партнеров, укрепление коллективной безопасности (СНГ, ОДКБ) на основе политики расширения общего «пространства безопасности», различных форматов соработки.

В-пятых, несмотря на устоявшиеся представления о природе «мягкой силы», в рамках которого «для успешного позиционирования себя в качестве ведущего мирового игрока необходимы три составляющие: экономическая привлекательность, привлекательные идеология и культура, высокий уровень технологического развития» [Коданева 2020, 52], России следует разработать собственную концепцию «мягкой силы», которая могла бы работать внутри страны и за ее пределами. Вовне целесообразно транслировать следующие смыслы: «Россия — миролюбивая страна», «Россия — страна-миротворец», «Россия всегда готова прийти на помощь в борьбе с гуманитарными катастрофами» (примеры такой помощи — помощь с вакцинами Италии и США в 2020 г.); «Россия стоит на страже традиционных ценностей, выступает в их защиту, за их сохранение и развитие» (по оценкам экспертов, на Западе есть запрос на традиционные ценности). Внутри страны целесообразно не только транслировать, но и на практике реализовывать политику возвращения к традиционной системе школьного образования, программы патриотического воспитания, политику национальной идентичности и проч. Политика идентичности — важнейший ресурс государства по обеспечению стратегической социально-политической стабильности, информационной безопасности и поддержанию «ценностного суверенитета общества» [Сургуладзе 2019, 57].

В-шестых, активное использование негосударственных игроков в рамках контргибридных технологий. В этом контексте важно упомянуть то, что отражает специфику работы российских госструктур с негосударственными акторами международных отношений. Это, по сути, отражение тех сетевых эффектов, которые становятся результатом продуманной работы западных госструктур. У геополитического противника России нет штабов (центров разработки планов, замыслов, стратегий) как таковых, в привычном понимании, но есть «проводники» — НПО, бизнес-структуры и проч. В таких условиях российские специальные службы не могут вести работу по обеспечению национальной безопасности старыми методами. Условные «штабы» рассредоточены не только по периметру границ России, но и на территории России. Поэтому можно констатировать, что для выявления локальных центров принятия решения и «проводников» влияния Запада

требуется ведение не контрразведывательной деятельности, а именно разведывательной. Цель разведки в таком принципиально новом измерении — найти факты и обнаружить их соответствие видимым проявлениям.

В-седьмых, необходимо введение в правовое поле таких понятий, как «информационное вторжение», «ресурсная блокада», «предгибридные действия» и др., характеризующих современное гибридное противоборство, с целью привлечь к ответственности страну-агрессора (такие действия должны приравниваться к объявлению войны страной-агрессором). Документы, регулирующие силовую составляющую гибридной войны, также требуют уточнения, например, в части смещения акцента наказания за наемничество от частных лиц к государствам, в которых зарегистрированы ЧВК, принимающие участие в прокси-войнах, «цветных революциях» и проч.

В-восьмых, необходимо вернуть в стратегические документы РФ категорию «великая держава» применительно к России, в Конституцию РФ — категорию «государственная идеология» и разработать концептуально новые идеологемы, способные, наряду с прочими задачами, эффективно воздействовать на процесс укрепления национальной безопасности и международной субъектности России.

В-девятых, необходима разработка, продвижение и реализация глобального проекта России, который будет являться и частью внутренней повестки. В условиях глобального идеологического кризиса (прежде всего идеологии либерализма на Западе) такой глобальный проект может содержать и новые идеологические конструкты, имеющие вполне универсальный характер и отвечающие актуальным запросам населения планеты (безопасность, социальная справедливость, традиционные ценности, суверенитет, незабываемость национальных интересов и проч.). Ключевыми вводными здесь должно быть следующее: кризис идей западного либерализма; популистский характер демократии «по американскому образцу»; неприемлемость для подавляющей части современных государств китайского варианта левой идеи; секуляризация сознания населения так называемых стран «третьего мира» и не только в условиях социальных кризисных явлений.

Итак, предложенные выше практические рекомендации направлены на обеспечение национальной безопасности России и повышение субъектности Российской Федерации в современном мире, ставшем полем для реализации операций гибридной войны.

Предложенные авторами инверсивная векторная модель воздействия на гибридные угрозы, механизмы их нейтрализации/ликвидации (как указывалось, с учетом ограниченной ресурсной базы и ограниченного времени инверсивная векторная модель может быть определена в качестве стратегической модели обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны) и данные выше практические рекомендации позволяют выйти на формулирование комплексного стратегического подхода к взаимодействию с ключевыми геополитическими оппонентами — США, отдельными странами ЕС, НАТО. Предложенный авторами подход основан на стратегии, в основе которой лежит векторность (организация/активация усилий на определенных направлениях) и гибридность (системные действия на разных направлениях одновременно), а также инверсивная векторная модель обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны. Подход базируется на принципах⁸ прагматизма, примата национальных интересов и национальной безопасности, проактивности и готовности взаимодействовать с лояльными политическими и бизнес-структурами внутри геополитических субъектов, выступающих в качестве оппонентов России. Таким образом, стратегический подход, в соответствии с инверсивной векторной моделью, предполагает рациональное распределение

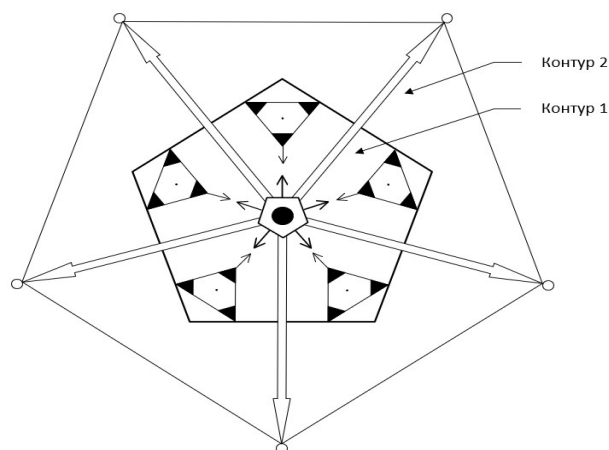
⁸ Принципы — правила, соблюдение которых обеспечивает функционирование подхода/модели.

различных по характеру усилий на разных направлениях в определенный период времени. Реализация подхода позволит в краткосрочной перспективе вовремя распознавать планы противника и снизить интенсивность гибридной войны, организовать эффективное противодействие гибридным угрозам, что позитивно скажется на состоянии национальной и международной безопасности России.

Такой подход может быть эффективным хотя бы потому, что коллективный Запад в условиях глобализации далеко не всегда способен контролировать все потенциальные зоны уязвимости и адекватно реагировать на реальные и виртуальные гибридные угрозы, в том числе по причине ограниченности имеющихся в его распоряжении ресурсов. Об этом свидетельствует, в частности, анализ RAND Corporation, представленный в докладе 2020 года, ставшем плодом труда более 120 военных и академических экспертов из США, Великобритании, Бельгии, Китая, Германии, Израиля, Японии, Иордании, Польши и ОАЭ. Специалисты сделали прогноз до 2030 года и попытались ответить на вопросы: где случится следующая война? Кто будет ее участниками? Почему она произойдет? Как она будет вестись? В числе выводов были следующие: США «попытаются сохранить свои позиции ведущей мировой военной сверхдержавы в мире», но при этом «столкнутся с рядом стратегических дилемм». Прежде всего к 2030 году Соединенные Штаты «могут постепенно утратить способность диктовать стратегические результаты и определять, когда и зачем в будущем будут происходить войны». А поскольку будущие военные действия станут «растаскивать ограниченные ресурсы США в противоположные стороны», перед Америкой встает «грандиозный стратегический выбор: стать намного более избирательной в отношении того, где, когда и почему она применяет свои военные силы, или поддерживать и даже удвоить свои обязательства, зная, что цена, уплаченная за это, будет значительно более высокой»⁹.

Итак, стратегический подход к взаимодействию с коллективным Западом, ведущим против России гибридную войну, основывается на инверсивной векторной модели нейтрализации/ликвидации гибридных угроз. Однако при верификации модели путем сценарного анализа можно было наблюдать разноуровневую и разнонаправленную активность, что вполне отражает векторный подход, лежащий в основе указанной модели. В то время как подход к борьбе с гибридными угрозами, базирующийся на предложенной модели, предполагает алгоритм эффективного отражения генерируемых Западом угроз, стратегический подход к взаимодействию с Западом, напротив, является проактивным, нацеленным на активное изменение геополитической реальности, включая проектную и контргибридную деятельность. Вместе они представляют комплексный стратегический подход обеспечения национальной безопасности России в условиях гибридной войны (Рисунок 3).

⁹ Peering into the Cristal Ball. Holistically Assessing the Future of Warfare // RAND Corporation [Электронный ресурс]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10073.html (дата обращения: 03.08.2022).

Рисунок 3. Комплексный стратегический подход к обеспечению национальной безопасности России в условиях гибридной войны¹⁰

Принципиально важным является то, что новая проактивность, реализуемая во внешнем контуре, формируется внутри системы обеспечения национальной безопасности с учетом опыта внешнего воздействия, но при этом не является простым отражением, а лишь «подсказкой», позволяющей учитывать слабые места и уязвимости того или иного геополитического оппонента, но при этом одновременно учитывающей специфику отечественной концепции «мягкой силы» и других инструментов, указанных выше. Россия может стать ключевым актором мировой политики только в том случае, если она будет реализовывать самостоятельный и уникальный глобальный проект. По мнению авторов, целесообразно было бы в рамках такого проактивного подхода разработать концепцию «безопасной силы» как вполне универсального инструмента для трансляции геополитическим оппонентам в процессе взаимодействия. Другими словами, новая российская проактивность должна стать проекцией «безопасной силы», базирующейся на том же работающем принципе привлекательности, что характерно и для западной концепции «мягкой силы». Однако в данном случае будет преодолено противоречие между западной концепцией «мягкой силы», слабой возможностью ее применения Россией (и, соответственно, неудовлетворительными результатами ее применения) и некорректным применением концепции «жесткой силы» Западом, легко идущим на нарушение международного права в угоду собственным военно-политическим интересам. Есть все основания полагать, что создание концепции «безопасной силы» и ее проецирование в зонах национальных интересов России может способствовать углублению интеграционных процессов, появлению новых стратегических союзов и переходу к новому типу «пространства безопасности» (с силовым центром в России), на который в мире в эпоху гибридных войн отмечается колоссальный запрос (наряду с консервативной идеологией) и который, в свою очередь, также нуждается в концептуализации.

Если принять в расчет прогнозы экспертов, что в краткосрочной перспективе неизбежен конфликт между США и новым мировым гегемоном — Китаем [Кузицына 2020; Петров 2020; Graham 2017; Holt 2015]¹¹ (споры ведутся лишь относительно характера этого противостояния) и формирование «новой биполярности», России может быть отведена совершенно уникальная роль в статусе ключевого мирового актора и третьей по мощи державы в мире. Реализуя предложенную

¹⁰ Разработано авторами.

¹¹ См. также: A 2030 War Between America and China Would Shake the World // The National Interest [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/2030-war-between-america-and-china-would-shake-world-78771> (дата обращения: 03.08.2022); Lee B. Assessing Made in China 2025, the US — China Trade War and Ways Going Forward: CMC Senior Theses. Claremont, 2019.

в исследовании стратегию, Россия будет способна предложить миру «третий путь», а именно возможность сохранить независимость и суверенитет, безопасность и потенциал к развитию и выбору собственной модели политического и социально-экономического развития (строая) в условиях «новой биполярности». Россия может предстать перед остальным миром, не желающим быть втянутыми в новый этап глобального гибридного противостояния, как крупная и устойчивая геополитическая сущность, средоточие стабильности, безопасности и социальной справедливости, предлагающая всем, у кого есть соответствующий запрос, приемлемую модель соразвития. Но для этого России сначала необходимо выстоять в гибридной войне, ведущейся против нее самой.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что нейтрализация/ликвидация всего набора гибридных угроз национальной безопасности России с помощью предложенного в настоящей статье стратегического подхода и переход к комплексному подходу во взаимодействии с коллективным Западом вместе должны в среднесрочной перспективе изменить парадигму отношений «Россия — Запад». Это, в свою очередь, повысит роль России в мире и укрепит ее международную субъектность. Соответственно, Россия может выйти из модели отношений с коллективным Западом, которые сложились в 1990-х гг. (модели «победитель — побежденный»/«ведущий — ведомый»/«патрон — клиент») и соответствуют навязанным моделям внешнеполитического поведения «побежденной стороны».

Изменив модель внешнеполитического поведения и парадигму отношений с Западом, Россия сможет реализовать возможности превентивной и перспективной политики по формированию лояльной внешнеполитической среды. Позитивным следствием может стать расширение ближнего сегмента зоны геополитических интересов России (прежде всего речь идет о постсоветском пространстве), решение ключевых проблем во внутренней политике, выход из частичной международной изоляции, ослабление уже реализуемой угрозы прямого столкновения с блоком НАТО в формате прокси-войны. Есть все основания полагать, что такая перспектива благоприятно скажется на состоянии системы международной безопасности.

Список литературы:

Арзуманян Р.В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий. М.: АНО ЦСОиП, 2015.

Бартош А.А. «Трение» и «износ» гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 1. С. 5–13.

Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 44–71. DOI: [10.23932/2542-0240-2020-13-2-3](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-3)

Кузицына А.А. США и Китай: когда состоится «битва за Анкоридж»? // Россия и современный мир. 2020. № 4 (109). С. 158–173. DOI: [10.31249/rsm/2020.04.09](https://doi.org/10.31249/rsm/2020.04.09)

Максимов А.С. Угрозы национальной безопасности России в условиях гибридной войны // Среднерусский вестник общественных наук. 2021а. Т. 16. № 3. С. 109–130. DOI: [10.22394/2071-2367-2021-16-3-109-130](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-3-109-130)

Максимов А.С. Актуальные механизмы нейтрализации гибридных угроз национальной безопасности России в рамках инверсивной векторной модели // Среднерусский вестник общественных наук. 2021б. Т. 16. № 4. С. 88–103. DOI: [10.22394/2071-2367-2021-16-4-88-103](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-4-88-103)

- Петров А.А. Китай — США: перспективы выхода из торговой войны // Международная жизнь. 2020. № 4. С. 50–57.
- Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019.
- Тиханычев О.В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30–43. DOI: [10.25136/2409-7543.2020.1.30256](https://doi.org/10.25136/2409-7543.2020.1.30256)
- Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003.
- Харитоновна Н.И. Экогеополитика как новый концепт в геополитической парадигме международных отношений // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 86. С. 178–199. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-86-178-199](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-86-178-199)
- Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books, 1997.
- Graham A. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
- Holt H. *The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*. New York: St. Martin's Griffin, 2015.
- Kilcullen D. *The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004.
- References:**
- Arzumanyan R.V. (2015) *Strategiya irregularnoy voyny: teoriya i praktika primeneniya. Teoreticheskiye i strategicheskiye problemy kontseptualizatsii, religioznyye i voyenno-politicheskiye otnosheniya v operatsionnoy srede irregularnykh voyennykh deystviy* [Strategy for the use of irregular warfare: Theory and practice. Theoretical and statistical problems of conceptualization, religious and military-political relations among people of irregular regular hostilities]. Moscow: ANO TsSOiP.
- Bartosh A.A. (2018) "Friction" and "Wear" of the hybrid war. *Voyennaya mysl'*. No. 1. P. 5–13.
- Brzezinski Z. (1997) *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books.
- Graham A. (2017) *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt.
- Holt H. (2015) *The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*. New York: St. Martin's Griffin.
- Kilcullen D. (2009) *The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One*. Oxford: Oxford University Press.
- Kharitonova N.I. (2021) Eco-Geopolitics as a New Concept in the Geopolitical Paradigm of International Relations. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 86. P. 178–199. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-86-178-199](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-86-178-199)
- Kodaneva S.I. (2020) "Hybrid Threats" to Russia's Security: Identification and Counteraction. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 13. No. 2. P. 44–71. DOI: [10.23932/2542-0240-2020-13-2-3](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-3)
- Kuzitsina A.A. (2021) The USA and China: When Will the "Battle for Anchorage" Take Place? *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 4 (109). P. 158–173. DOI: [10.31249/rsm/2020.04.09](https://doi.org/10.31249/rsm/2020.04.09)

Maksimov A.S. (2021a) Threats to National Security of Russia in the Context of a Hybrid War. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. Vol. 16. No. 3. P. 109–130. DOI: [10.22394/2071-2367-2021-16-3-109-130](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-3-109-130)

Maksimov A.S. (2021b) Mechanisms for Neutralizing Hybrid Threats to Russian National Security within the Framework of an Inverse Vector Model. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. Vol. 16. No. 4. P. 88–103. DOI: [10.22394/2071-2367-2021-16-4-88-103](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-4-88-103)

Nye J.S. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

Petrov A.A. (2020) Kitay — SShA: perspektivy vykhoda iz torgovoy voyny [China — USA: Prospects for exiting the trade war]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 4. P. 50–57.

Surguladze V.Sh. (2019) *Politika identichnosti v realiyakh obespecheniya natsional'noy bezopasnosti: Strategiya, teoriya, praktika* [Identity politics in the realities of ensuring national security: Strategy, theory, practice.]. Moscow: Analiticheskaya gruppa "S.T.K."

Tikhanychev O.V. (2020) Hybrid Warfare: A New Word in Military Art or the Well Forgotten New? *Voprosy bezopasnosti*. No. 1. P. 30–43. DOI: [10.25136/2409-7543.2020.1.30256](https://doi.org/10.25136/2409-7543.2020.1.30256)

Utkin A.I. (2003) *Edinstvennaya sverkhderzhava* [The only superpower]. Moscow: Algoritm.

Дата поступления/Received: 18.09.2022